

2.

Платон и проблемы платоноведения

Роман Светлов

Ошибался ли Элейский гость? «Познавательное» и «производительное» знания в «Политике»

ROMAN SVETLOV

DID THE STRANGER FROM ELEA MADE A MISTAKE?

COGNITIVE AND PRODUCTIVE KNOWLEDGE IN THE *STATESMAN*

ABSTRACT. The article deals with the logic of reasoning in Plato's *Statesman*. The author argues against popular belief that the Stranger from Elea has made a logical mistake from the very start when determining political knowledge as a cognitive one. But political is a "net" activity, its subject being neither a corporeal reality, nor the creation of something new, which exists "not by nature". Politics implements the reasonableness inherent in the nature of human society and the State system. That is why the true royal activity is net, representing a subspecies of the "cognitive" art. The article also focuses on the difference in the understanding of the "practical" by Plato and Aristotle. **KEYWORDS:** Plato, the *Statesman*, political knowledge, the "practical", Aristotle.

«Ни один разумный человек не пожелал бы добиваться беседы о ткачестве ради него самого...», — говорит Чужеземец в диалоге «Политик» как раз в тот момент, когда читатель уже проникается уверенностью, что собеседники увлечены исключительно «разделениями», позволяющими точно определить то, чем занят

© Р.В. Светлов (Санкт-Петербург). spatha@mail.ru. Русская христианская гуманитарная академия. Санкт-Петербургский государственный университет.

ткач. Ведь почти любовное удовольствие от ведения диалектической беседы, которому сам же Чужеземец уделяет лишь третье место среди ее возможных целей, в какие-то моменты, похоже, преодолевает в нем здравомыслие, которое должно быть присуще мудрецу¹.

Однако если мы вспомним, что «Политик» представлял собой демонстрацию дидактического метода, позволяющего различать и систематизировать видовое богатство окружающей реальности, то подобные «уклонения в сторону» перестанут нас пугать. «Отступления» Чужеземца дают ему возможность проговорить всю методологическую базу данного диалога, и, к тому же, продемонстрировать ее действенность. В самом общем виде можно сказать, что «Политик» — это упражнение в *методе логосов*. В целом «метод логосов» ориентирует рассуждающего человека не на чувственное восприятие, традицию или мнение, а на эленхос и диалектику. В устах персонажей Платона он выражает непростой процесс восхождения от чувственно воспринимаемой реальности к умопостигаемому. «Метод логосов» — это, собственно и есть философия, стремящаяся обнаружить всеобщее и соответствующее разуму в природе и в человеческой реальности. Рассуждение-логос при этом принципиально отличается от речи-мифа, т.к. первое ищет основания, доводы, подтверждающие некоторую совокупность тезисов, в то время как второе опирается на авторитет поэтического вдохновения, а потому принципиально недоказуемо. По отношению к данному методу отдельные исследовательские стратегии являются частными случаями. И целый ряд таких частных случаев наглядно продемонстрирован в «Политике».

Наиболее важной из этих стратегий является *диереза* — разделение понятия, которое преимущественно рассматривается как разделение дихотмическое: объем исходного понятия рассека-

¹ Куда важнее удовольствия, согласно Чужеземцу из Элеи, достижение искомого беседой определения и осуществление правильного деления по видам (Plt. 286d–e).

ется пополам в связи с наличием или отсутствием в полученных «половинках» некоторого существенного признака. Методика подобного разделения неявно вводится уже в «Теэтете» вместе с обсуждением важности существенного (отличительного) признака для этой процедуры, а в «Софисте» Чужеземец совершает практическое обучение диерезе Теэтета. Кажется, что в ряде случаев Чужеземец сознательно «подтягивает» процедуру под получение нужных ему членов деления, однако подобное обвинение можно предъявить массе диеретических операций. Представляя собой аналитическое действие, они подразумевают заранее предопределенное направление дальнейших делений: его предполагает уже сам выбор существенного признака.

Описание Чужеземцем процедур деления при помощи метафор «разрезания», «рассечения», «расщепления» подразумевает некую наглядность. Юный Сократ, вместе с читателями диалога, должен вообразить, как отделяются сухопутные существа от крылатых, или как стада имеющих рога животных удаляются от безрогих. Разделение представляетсядемиургической, ремесленной процедурой, имеющей физические коннотации (срв. оценку диалога «Политик» неоплатониками).

Подобные рассуждения были важны для Академии — во всяком случае, в связи с педагогическими практиками. Об этом свидетельствует указание на бытовавшее в Академии «Письменное разделение», которое делает Аристотель в «О частях животных»², частая критика сторонников диерезы, встречающаяся у того же Аристотеля, сообщение Диогена Лаэртского о том, что Спевсипп и Ксенократ писали книги, посвященные разделениям, а так же наличие пародий на диеретические процедуры, одну из которых сохранил Афинея³. Не углубляясь в разбор эпистемических возможностей логических дихотомий, отметим только, что едва ли прав был В.Н. Карпов, который полагал, что основная задача всей вводной части «Политика» — «представить в смешном виде ме-

² См. Arist. De partibus animalium. I. 2, 264b.

³ См. Athenaeus. Deipnosoph. II, 59d–f.

гарскую диалектику» [Карпов 1879: 40]. Во-первых, едва ли здесь обсуждается тематика мегарской философии, а во-вторых, разделения «Политика» слишком «щедры». Они охватывают практически все сферы античной ойкумены: от видов знаний и форм экономической и государственной деятельности полиса, до деталей видового разнообразия одомашненных животных и особенностей ткачества — как наилучшего образца для прояснения природы политика.

Отметим, что в какой-то момент (287с) Чужеземец достаточно свободно переходит к недихотомическим вариантам деления. Он сравнивает их с расчленением жертвенного животного и достаточно аккуратно старается следовать современным требованиям логического деления: соразмерности, исключения перекрещивания объемов получаемых понятий, непрерывности. В итоге мы видим 10 видов производительной деятельности человека, 7 видов искусств, ответственных за приобретение или изготовление базовых для материальной жизни полиса вещей, 5 форм государственного правления и т.д.

Однако порядок, в котором совершает разделения Чужеземец, кажется, как мы уже отмечали выше, искусственным и усложненным. Он сам признает неправоту отдельных посылок, извиняется за отступления, соглашается со скучностью (для молодого человека) того, о чем говорит. Это вызывает удивление, так как в «Софисте» Феодор утверждает, что уже вел речь с элейцем на сходные темы: неужели Чужеземец забыл, что он говорил старому геометру? Или же он не обладает диалектическим даром и философской сосредоточенностью Сократа?

Наиболее часто Чужеземцу предъявляют претензию в том, что в его делениях в «Политике» уже на первых дихотомических ходах присутствует ошибка. Более того, она только усугубляется после того, как элеец меняет направление диеретического поиска. Речь идет о приписывании политику «познавательного» («гностического») вида знания.

В самом начале деления Чужеземец различает «простые» искусства (каждое из которых — γνωστικός, познавательное, здесь акт познания и само знание совпадают⁴) и производительные (каждое из которых — πρακτικός). Простые отличаются от производительных тем, что они направлены только на свой предмет и не прибавляют к нему ничего внешнего, например продукта, ради создания которого эти искусства существуют. Познавательное делится на судящее и приказывающее (ἐπιτακτικόν). Приказывающее — на опосредующее (пример чему — искусство глашатаев) и царское. Царское искусство — то, которое отдает приказ само (αὐτεπιτακτικόν).

Именно здесь возникает сложность. Как говорит Чужеземец, приказ издается всегда ради возникновения чего-то. Но ведь простые искусства, в отличие от практически-производительных, направленных на создание «новых тел», должны быть обращены к себе, и не иметь практической «примеси». Противоречие было бы снято, если бы мы ограничили познавательные искусства «судящими» (такова, например, «чистая» математика). Тогда они вполне соответствовали бы тому, что чуть позже Аристотель станет называть «теоретическим», а сфера политики на аристотелевский манер перешла бы в ареал «практического». С другой стороны тогда, вероятно, и логика рассуждений собеседников в диалоге была бы иной. Признав, что политика — практическое искусство, не пришлось бы искать «чистой» формы ее применения, образцом которой поначалу выступает пастырство, занимавшее Чужеземца едва ли не до середины диалога.

Однако на наш взгляд в «Политике» Платон иначе, чем Аристотель, трактует понятие «практического». Для Аристотеля созерцательная жизнь не предполагает ни поступков, ни создания чего-либо, ее целью является само созерцание (мышление). Со-

⁴ См. обсуждение семантики данного понятия у Аристотеля в книге Е.В. Орлова «Философский язык Аристотеля» (Орлов 2011: 40–48).

ответственно, практическое — это все, что направлено на другое, отличающееся от того, кто действует⁵.

Для Платона же практика — это не всякий вид деятельности, но лишь мастераще-ремесленный. Именно поэтому, на наш взгляд, *πρακτικός* в контексте данного диалога уместно переводить как «производительное». Во-первых, это позволяет отличить подобные знания и искусства от «простых», дело которых исключительно знание, но не «новые тела», возникающие благодаря тому, что производительные знания как бы «срослись с производительными занятиями»⁶. Во-вторых же, благодаря этому мы можем провести демаркационную линию с аристотелевским пониманием практического. В качестве примера того, как современные исследователи пытаются передать особый характер «практического» в диалоге «Политик», можно привести перевод Дж. Скемпа *πρακτική* как «applied», «прикладное» [Skemp 1977: 34].

В отличие от производительной, политическая деятельность имеет чистый характер, так как ее предметом выступает не телесная реальность и не создание чего-то нового, существующего «не по природе» (характерные черты того, что Аристотель называл «созданным» и «искусственным»). Политика должна проявить заложенную в природе человеческого общежития разумность. Политик преодолевает влияние «необходимости» и «круга иного», рассматривавшихся в «Тимее»⁷. Именно поэтому истинно царское (политическое) дело «чисто» и является одним из подвигов «познавательного» искусства.

Данную трактовку «чистых» форм знания нужно учитывать, особенно когда мы замечаем, что Чужеземец, признавая ошибку в подборе образца для политика (Plt. 275c), не возвращается к делению знаний, но начинает искать иной образец. Дело здесь не в

⁵ Срв. Arist. *Ethica Nicomachea* I. 1, 1094a 18–23.

⁶ Plato. Plt. 258d.

⁷ В «Политике» Платон говорит о «беспредельном море неподобного» (Plt. 273d).

«привычном ироническом стиле Платона» [Rosen 1995: 66, 71], но, как мы показали, в совершенно ином, чем у Аристотеля, понимании соотношения теоретического, т.е. «гностического», «познавательного», и практического — «производительного»⁸.

Отметим, что искусство политика, являющееся искусством самостоятельно отдавать распоряжения, получает особое место в рассуждениях Чужеземца, поскольку оно имеет явно выраженный перформативный и даже императивный характер. Сохраняя свою чистоту (не создавая «новых тел»), познавательное искусство политика обладает властной природой. Мы помним, что на силу логоса указывали еще софисты. «Оправдание Елены» Горгия во многом — восхваление способности речи, будучи чем-то совершенно «физически» незаметным, вершить великие дела. В уста софиста Евтидема в одноименном платоновском диалоге вложена фраза: «Говорить — это значит что-то делать и создавать»⁹. Согласно Диогену Лаэртскому Протагор «выделил четыре вида речи — пожелание, вопрос, ответ и приказ (другие¹⁰ выделяют их семь: рассказ, вопрос, ответ, приказ, сообщение, пожелание, обращение), назвав их основами речи». Конечно, подобные представления нельзя однозначно отождествлять со знаменитой теорией речевых актов, созданной Дж. Остином, однако ряду софистов, похоже, был бы вполне симпатичен тезис

⁸ Предложенная нами трактовка отличается от того разделения знаний, которое приписывает Платону Диоген Лаэртский. Согласно Диогену, по Платону знания бывают практические, созидательные, и созерцательные (Τῆς ἐπιστήμης εἶδη ἔστι τρία: τὸ μὲν γὰρ ἐστὶ πρακτικόν, τὸ δὲ ποιητικόν, τὸ δὲ θεωρητικόν — Diog. Laert. III. 84). К первым относится политика и музыкальные искусства, так как результаты их деятельности не-телесны, ко вторым — кораблевождение и зодчество, так как мы видим их зримые итоги, наконец, к третьим — геометрия, гармоника и астрономия. Представляется, что это разделение, вероятно появившееся в Древней Академии и во многом соответствующее делению наук, поддерживаемому Аристотелем, находится в противоречии с текстом «Политика», где создание телесных, наглядных результатов связывается именно с πρακτικός.

⁹ Euthd. 284c.

¹⁰ Другой вариант понимания этого места «согласно другим он (т.е. Протагор — P.C.) выделил».

этого английского философа языка: «Перформативу свойственно быть успешным или неуспешным, а не истинным или ложным» [Остин 1986: 107]¹¹.

Платон едва ли согласился бы с деятельной ролью логоса исключительно как речевого акта¹². По его мнению логос необходимо имеет референцию к эйдетическому содержанию, которое, строго говоря, и должно управлять им. Однако в случае политического акта, совершаемого идеальным государственным деятелем, таковое содержание и сам приказ совпадают. Все дело в том, что образ политика, к которому Платон приходит в итоге настоящего диалога, не понять без напоминания о двух видах обращения космоса, каковым посвящен знаменитый космологический миф из того же текста (Plt. 269c–276d). В связи с тем, что первоначально боги непосредственно направляли жизнь всех живых существ, в «век Кроноса» не было ни государства, ни политики. Чужеземец даже ставит под сомнение необходимость наличия логоса как орудия общения и познания для живших в те времена людей. В наше время («эпоха Зевса») эта непосредственность практически утеряна. Но в случае появления идеального политика она в некотором смысле воспроизводится. Приказы такого политика становятся наиболее близкими к «веку Кроноса» перформативными актами, где содержание и форма совпадают друг с другом.

В связи с этим можно вспомнить и представления Э. Бенвениста об императивных высказываниях. Подобного рода высказывания аутореферентны, так как соотносятся с ситуацией, ими же создаваемой. И — что очень важно — они результативны только в случае полной правомочности говорящего. А подобной правомочностью может обладать, согласно Чужеземцу, лишь истинный политик. Его приказы не выходят за рамки «круга тожде-

¹¹ Любопытно сравнить четыре вида речи по Протагору — пожелание, вопрос, ответ и приказ — с классификацией Остином иллокутивных актов.

¹² Хотя мы видим целый ряд примеров того, как «метод логосов» позволяет Сократу «собирать» различные эйдосы — справедливого государства в «Государстве», политика в «Политике».

ственного», то есть сферы знания. Он не создает чего-то «неподобного» — но лишь то, что по истине необходимо для функционирования человеческого общежития в «век Зевса». Его приказы — это действия, но не выходящие за рамки самого действия, не формирующие чего-то внешнего себе.

Этим, на наш взгляд, снимается кажущееся противоречие дилеммы данного диалога, а истинная политика (в ее понимании Чужеземцем) оказывается разделом «познавательных» искусств, в которых акт познания, т.е. процесс и само знание, составляют нечто единое.

Литература

- Карпов 1879 — *Карпов В.Н.* Политик. Введение // Платон. Сочинения / Пер. В.Н. Карпова. Т. 6. М., 1879. С. 3–65.
- Орлов 2011 — *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011.
- Остин 1986 — *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. С. 22–129.
- Rosen 1995 — *Rosen St.* Plato's *Statesman*. The Web of Politics. Yale, New Haven, 1995.
- Skemp 1977 — *Skemp J.B.* Plato's *Statesman*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1977.